

ФРЭНСИС
СКОТТ
ФИЦДЖЕРДАЛЪД

НОЯ
БЕЖА

ПЕРЕВОД С АНГЛИЙСКОГО
ЕВГЕНИИ КАЛАШНИКОВОЙ
ХУДОЖНИК
НАТАЛЬЯ АКИМОВА

ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ДОМ МЕЩЕРЯКОВА
2022
МОСКВА

И я уже с тобой, Как ночь нежна!

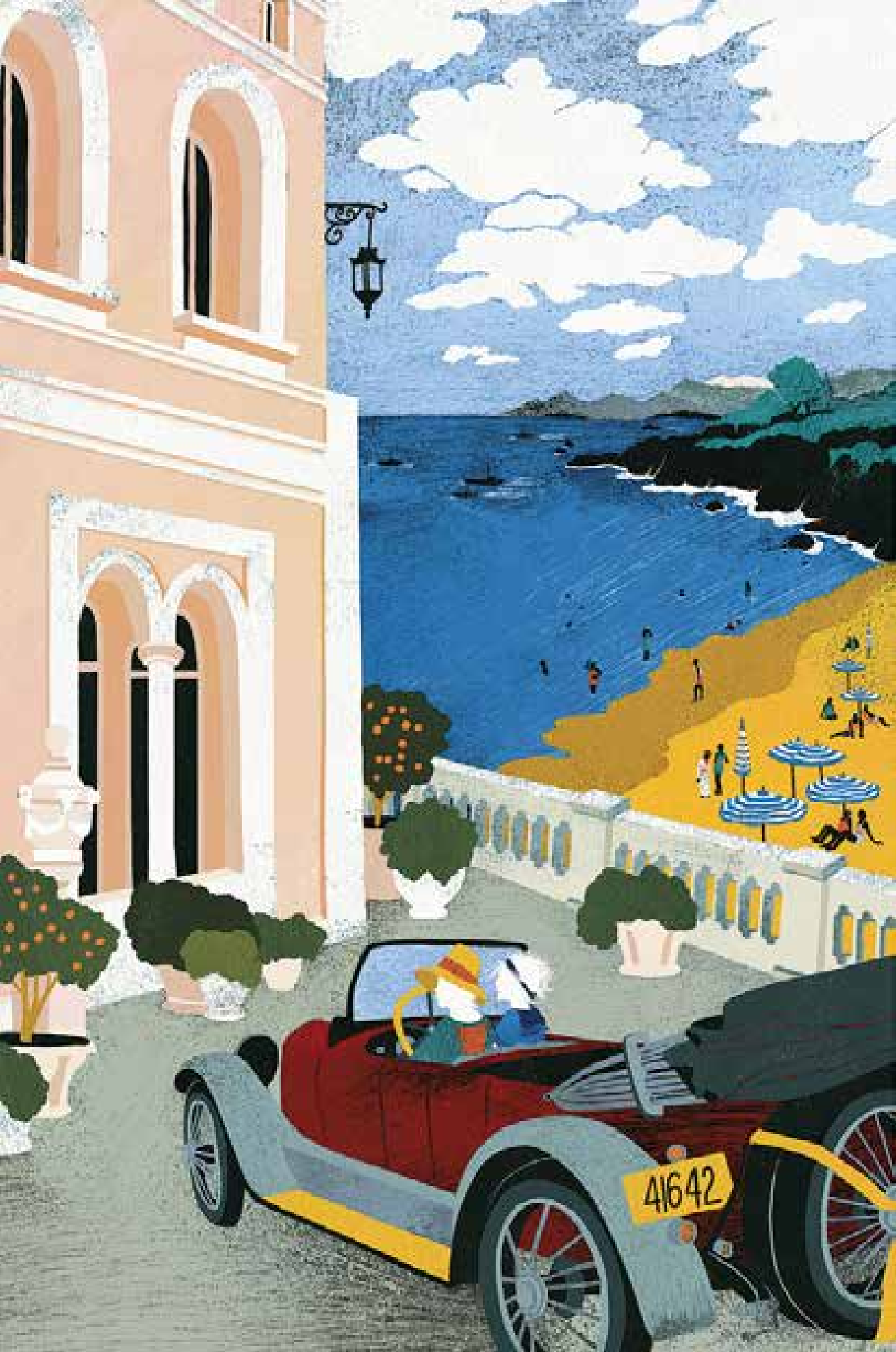
.....
*Но здесь темно, и только взгляд лучи
Сквозь мрак листов, как вздох зефира робкий,
То здесь, то там скользит по мшистой тропке.*

Дж. Китс. «Ода к соловью»

ПЕРВАЯ КНИГА

ОДНОМ ПРИЯТНОМ УГОЛКЕ Французской Ривьеры, на полуострове от Марселя к итальянской границе, красуется большой розовый отель. Пальмы услужливо притеняют его пышущий жаром фасад, перед которым лежит полоска ослепительно яркого пляжа. За последние годы многие светские и иные знаменитости облюбовали это место в качестве летнего курорта; но лет десять назад жизнь здесь почти замирает с апреля, когда постоянная английская клиентура откочевывала на север. Теперь вокруг «Hôtel des Étrangers» Гюсса теснятся много современных построек, но к началу нашего рассказа лишь с десяток стареньких вилл в изумрудных кувшиниках белели в кущах сосен, что тянутся на пять миль, до самого Канна.

— Ради бога, Вайолет, перестань всем рассказывать замысел моего романа, — перебил мистер Маккиско. — Я вовсе не желаю, чтобы он сделался общим достоянием еще до того, как книга выйдет из печати.

Розмэри вернулась на берег и, прикрыв халатом уже садившие плечи, снова улеглась на солнце. Человек в жокейской шапочке обходил теперь своих спутников с бутылкой и стаканчиками в руках, и настроение их все повышалось, а расстояние между ними становилось все меньше, пока наконец все зонты не сблизь вместе, и под одним общим навесом сгрудилась вся компания; как поняла Розмэри, кто-то собирается уезжать, и решено было последний раз выпить на прощанье. Даже дети, возмившиеся в песке, почувствовали, где центр веселья, и потянулись туда. Розмэри почему-то казалось, что все веселье исходит от человека в жокейской шапочке.

На небе и на море господствовал полдень — даже белая панорама Канна вдали превратилась в мираж освежительной прохлады; красногрудый, как малиновка, парусник входил в бухту, волоча за собой темный хвост — след открытого моря, еще сохранявшего свою синеву. Казалось, все побережье застыло в неподвижности, и только здесь, под зонтами, просенвавшими солнечный свет, не прекращалась пестрая, разноголосая кутерьма.

Розмэри увидела Чемпиона, который шел к ней, но остановился, не дойдя нескольких шагов; она поспешила закрыть глаза, притворяясь спящей, и когда она снова приоткрыла их, перед ней качались два мыбких, расплывчатых столба — чьи-то ноги. Этот кто-то пытался шагнуть в большое, желтое, как песок, облако, но оно уплыло в бескрайность раскаленного неба. Розмэри и в самом деле уснула.

Проснулась она вся в поту и увидела, что на пляже никого нет, только человек в жокейской шапочке складывает последний зонт. Когда Розмэри села, растерянно моргая глазами, он подошел и сказал:

— А я уже решил было разбудить вас перед уходом. Нехорошо в первый день слишком долго пекься на солнце.

— Спасибо. — Розмэри глянула на свои малиновые ноги. — Боже мой!

Она рассмеялась с комическим ужасом, надеясь, что разговор будет продолжен, но Дик Дайвер уже тащил складную кабину

– Моя мама – совершенство, – благоговейно произнесла Розмэри.
– У меня тут явилась одна мысль, которую я ей высказал. Как я понял, еще не решено, сколько вы пробудете во Франции, – это зависит от вас.

«Это зависит от вас», – едва не выкрикнула Розмэри.

– Так вот – поскольку здесь все уже кончено...

– Все кончено? – переспросила Розмэри.

– Я хочу сказать – с Тармом уже кончено на этот год. На прошлой неделе уехала сестра Николь, завтра уезжает Томми Барбан, в понедельник – Эйб и Мэри Норт. Может быть, нас ждет еще много приятного этим летом, но уже не здесь. Я не люблю сентиментального утасания – умирать, так с музыкой, для того я и затеял этот обед. А мысль моя вот такая: мы с Николь едем в Париж проводить Эйба Норта, он возвращается в Америку, так не хотите ли и вы поехать с нами?

– А что сказала мама?

– Что мысль отличная. Что самой ей ехать не хочется. И что она готова отпустить вас одну.

– Я не была в Париже с тех пор, как стала взрослой, – сказала Розмэри. – Побывать там с вами – большая радость для меня.

– Спасибо на добром слове. – Показалось ли ей, что в его голосе вдруг зазвенел металл? – Мы все заметили вас, как только вы появились на пляже. Вы так полны жизни – Николь сразу сказала, что вы, наверно, актриса. Такое не растрачивается на одного человека или хотя бы на нескольких.

Чуть-е подсказало ей: он потихоньку поворачивает ее в сторону Николь; и она привела в готовность тормоза, не собираясь поддаться.

– Мне тоже сразу захотелось познакомиться с вашей компанией – особенно с вами. Я же вам говорила, что влюбилась в вас с первого взгляда.

Ход был рассчитан правильно. Но беспредельность пространства между небом и морем уже охладила Дика, погасила порыв, заставивший его увлечь ее сюда, помогла слышать чрезмерную откровенность обращенного к нему зова, почувать опасность, скрытую в этой сцене без репетиций и без заученных слов.

Теперь нужно было как-то добиться, чтобы она сама пожелала вернуться в дом, но это было не просто, и, кроме того, ему

платок. Секундант-француз смотрел в другую сторону. Розмэри, душная мучительным состраданием, скрежетала зубами от ненависти к Барбану.

– Раз – два – три! – напряженным голосом отсчитал Эйб.

Два выстрела грянули одновременно. Маккиско пошатнулся, но тут же овладел собой. Оба дуэлянта промахнулись.

– Достаточно! – крикнул Эйб.

Все вопросительно посмотрели на Барбана.

– Я не удовлетворен.

– Вадор! Вы вполне удовлетворены, – сердито сказал Эйб. – Вы просто сами еще этого не поняли.

– Ваш подопечный отказывается от второго выстрела?

– Не ваяйте дурака, Томми. Вы настояли на своем, и мой доверитель исполнил все, что от него требовалось.

Томми презрительно рассмеялся.

– Расстояние было смехотворным, – сказал он. – Я не привык к подобным комедиям – напомните своему подопечному, что он не в Америке.

– А вы полегче насчет Америки, – довольно резко оборвал его Эйб. И более примирительным тоном добавил: – Правда, Томми, это все слишком далеко зашло. – С минуту они о чем-то преширались вполголоса, потом Барбан кивнул и холодно поклонился издали своему недавнему противнику.

– А обменяться рукопожатиями? – спросил француз-врач.

– Они уже знакомы, – ответил Эйб.

Он повернулся к Маккиско.

– Пойдемте, здесь больше нечего делать.

Уже на ходу Маккиско в порыве ликования схватил Эйба за руку.

– Пойдите-ка, – сказал Эйб. – Нужно вернуть Томми его пистолет. Он ему еще понадобится.

Маккиско протянул пистолет Эйбу.

– Ну его к черту, – сказал он задиристо. – Передайте, что он...

– Может быть, передать, что вы хотели бы еще раз обменяться с ним выстрелами?

– Вот я и дрался на дуэли! – воскликнул Маккиско, когда они наконец пошли к машине. – И показал, на что я способен. Я был на высоте, верно?

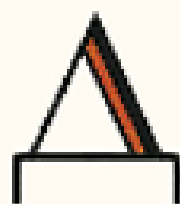

пузырь со льдом, и она поехала на бал и танцевала до двух часов ночи, а в семь утра ей сделали операцию.

Выходило, что жестоким быть нужно; самые симпатичные люди жестоки по отношению к самим себе. Между тем часы уже показывали четыре, и Розмэри не давала покоя мысль о Дике, который сидит в отеле и ждет Николь. Почему же та не едет, почему заставляет его ждать? Мысленно она торопила Николь: «Да поезжайте же!» В какую-то минуту она едва не крикнула: «Давайте я поеду, если вам это ни к чему!» Но Николь зашла еще в один магазин, где выбрала по букетику к платью себе и Розмэри и такой же велела отправить с посыльным Мари Норт. Только после этого она, видимо, вспомнила — взгляд у нее сделался рассеянный, и она подождала проезжающее такси.

— Мы премило провели время, правда? — сказала она, прощаясь.

— Чудесно, — отозвалась Розмэри. Она не думала, что это будет так трудно; все в ней бунтовало, когда она смотрела вслед удаляющемуся такси.

дик обогнул траверс и продолжал идти по дощатому настилу на дне траншеи. Посмотрел в попавшийся на пути перископ, потом стал на стрелковую ступень и выглянул из-за бруствера. Впереди, под мутным сереным небом, был виден Бомон-Гамель, слева памятником трагедии высилась гора Типваль. Дик поднес к глазам полевой бинокль, тягостное чувство сдавило ему горло.

Он пошел по траншее дальше и у следующего траверса нагнал своих спутников. Ему не терпелось передать другим переполюнявленное его волнение, заставить их все почувствовать и все понять; а между тем ему ведь ни разу не пришлось побывать в бою — в отличие от Эйба Норта, например.

— Каждый фут этой земли обошелся тем летом в двадцать тысяч человеческих жизней, — сказал он Розмэри.

Она послушно обвела взглядом унылую равнину, поросшую низенькими шестилетними деревьями. Скажи Дик, что сами они

– Тем лучше, – не повышая тона, сказал Дик. – Тем лучше. Я, может, и вовсе брошу этот, как вы его называете, «ученый трактат».

– О Дик! – В голосе Мэри прозвучал испуг. Розмэри впервые увидела у Дика такое лицо – пустое, лишённое всякого выражения; она чутьем поняла, что сказанная им фраза несла в себе что-то значительное, даже зловещее, и чуть не крикнула вслед за Мэри: «О Дик!»

Но Дик уже опять весело рассмеялся.

– Брошу этот и примусь за другой, – добавил он и встал из-за стола.

– Нет, нет, Дик, погодите минуту. Я не понимаю...

– Объясню в другой раз. Спокойной ночи, Эйб. Спокойной ночи, Мэри.

– Спокойной ночи, Дик, милый.

Мэри улыбалась так, будто не могло быть ничего лучше предстоящего ей ночного бдения на полупустом поплавке. Она была мужественная, умевшая надеяться женщина, готовая следовать за мужем неведь куда, переламывая себя то на один, то на другой манер, но ни разу ей не удалось хоть немного увести его в сторону от его пути; и порой она, почти теряя мужество, думала о том, что секрет этого пути, от которого зависел и ее путь, запрятан в нем глубоко-глубоко и недоступен ей. И, однако, она всегда излучала надежду, словно некий жавшой талисман...

Что это вы такое собираетесь бросить? – уже в такси спросила Розмэри, вскинув на Дика большие серьезные глаза.

– Ничего существенного.

– Вы разве ученый?

– Я врач.

– Да ну? – Она вся просияла. – Мой папа тоже был врач. Но тогда почему же вы... – Она зашулась и не кончила фразы.

– Не беспокойтесь, тут нет роковой тайны. Я не опозорил себя изменой врачебному долгу и не укрылся на Ривьере от людского

суда. Просто я сейчас не занимаюсь практикой. Может быть, со временем займусь опять.

Роэмэри медленно подняла к нему лицо для поцелуя. Он посмотрел на нее с недоумением. Потом, полуобняв ее за плечи, потерся щекой о ее бархатистую щеку и опять посмотрел долгим, внимательным взглядом.

– Такая прелестная девочка, – сказал он раздумчиво.

Она улыбулась, глядя на него все так же снизу вверх, пальцы ее машинально играли лацканами его пиджака.

– Я влюблена в вас и в Николь. Это мой секрет – я даже ни с кем не могу говорить про вас, не хочу, чтобы еще кто-нибудь знал, какой вы замечательный. Нет, правда, правда, я вас люблю – вас обоих.

...Сколько раз уже он это слышал – даже слова те же самые...

Вдруг она очутилась так близко, что ее полудетские черты расплылись перед его глазами, и он поцеловал ее захватывающим дух поцелуем, как будто у нее повсе не было возраста.

Она откинулась на его руку и вдохнула.

– Я решила от вас отказаться, – сказала она.

Дик вздрогнул, – кажется, он ничем не дал ей повода почувствовать хоть малейшее право на него.

– Вот уж это безобразие, – парочито весело сказал он. – Как раз когда я почувствовал некоторый интерес.

– Я так вас любила... – Будто это длилось годы. В голосе у нее дрожали слезы. – Я так вас любил-и-ла...

Ему бы надо было в ответ посмеяться, но вместо того он услышал будто сами собой сказавшиеся слова:

– Вы не только красивая, вы какая-то очень полноценная. У вас все выходит по-настоящему, изображаете ли вы несуществующую любовь или несуществующее смущение.

Снова она придвинулась ближе в темной пещерке такси, пахущей духами, купленными по выбору Николь. Он поцеловал ее поцелуем, лишним всякого вкуса. Если и была в ней страсть, то он мог только догадываться об этом; ни глаза ее, ни губы ничего не говорили о страсти. Ее дыхание чуть-чуть отдавало шампанским. Она еще тесней прижалась к нему, словно в порыве отчаяния, и он поцеловал ее еще раз, но его расколаживала невнимательность

